

Круглов Александр Васильевич

Из золотого детства

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Васильевич К.**
Из золотого детства / Круглов Александр Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
128 с.

ISBN 978-5-519-91254-9

ISBN 978-5-519-91254-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе къ I-му изданію.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ „Родникѣ“, я началъ печатать рядъ картинокъ изъ моихъ дѣтскихъ воспоминаній, подъ заглавіемъ „Армія и казаки“. Не задаваясь никакою моралью, я намѣревался безхитростно разсказать **„о томъ, какъ мы играли въ солдатики“**. Внезапная болѣзнь заставила меня прервать наброски, искусственно закончивъ ихъ почти на половинѣ. Въ такомъ видѣ они были изданы редакціей „Родника“ отдѣльной книжкой, подъ тѣмъ же заглавіемъ — „Армія и казаки“. Я уже и не думалъ когда-либо кончать эту „страничку изъ золотого дѣтства“; но тотъ успѣхъ книжки среди маленькихъ читателей, который мнѣ пришлось наблюдать самому, который констатированъ авторами книги „Что читать народу“, и рядомъ одобрительныхъ отзывовъ критики — измѣнили мое намѣреніе. Между тѣмъ вся книжка разошлась; дѣлая новое изданіе ея, я прибавляю къ ней недописанную прежде вторую часть и даю то загла-

вѣе всей повѣсти, подѣе какииъ я думалѣе выпустить
ее ранѣе. Говоря о первомъ изданіи книжки, критикъ
(„Что читать народу?“) замѣтилъ: „нелѣзя ни на ми-
нуту сомнѣваться, что эти дѣйствительныя воспоми-
нанія „дѣтства автора“... Совершенная правда: я раз-
сказалъ именно **„то, что было, и такъ, какъ оно
было“**“.

А. Кругловъ.

Москва, 1888 г., Декабрь.

Часть первая.

I.

Терка.

Съ самаго ранняго дѣтства я проявлялъ особенную любовь къ военному мундиру. Четырехъ лѣтъ я сѣдлалъ плетеный стулъ и надѣвалъ киверъ изъ сахарной бумаги. Къ семи годамъ я облекся въ полную форму гусара и, сіяя отъ удовольствія, отправлялся на парадный губернскій плацъ. Наслаждаясь маршировкою солдатъ и незатѣйливой музыкой мѣстнаго гарнизона, я воображалъ себя генераломъ, дѣлающимъ смотръ войскамъ.

Я росъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ росла во мнѣ любовь къ военной службѣ. Я бредилъ парадами, войной и говорилъ всѣмъ, что непременно буду офицеромъ. Благодаря такой любви, я по своей волѣ засѣлъ за азбуку: во что бы то ни стало, мнѣ хотѣлось прочесть какъ можно скорѣе жизнеописанія различныхъ знаменитыхъ полководцевъ и героевъ.

Девяти лѣтъ я уже читалъ бойко. Получивъ въ

день своего рожденія въ подарокъ отъ матушки „жизнеописаніе Александра Васильевича Суворова“, я прочелъ книжку нѣсколько разъ. Еще ранѣе слышалъ объ этомъ русскомъ богатырѣ, но теперь проникся къ нему такимъ уваженіемъ, что порѣшилъ: не было и не будетъ такого героя, равнаго Суворову.

Прошло нѣсколько времени.

Случайно попался мнѣ романъ Загоскина „Юрій Милославскій“; я прочелъ его, многого, конечно, не понялъ, но личность казака Қирши невольно заняла мое воображеніе.

Я забредилъ казаками и, въ то же время, хотѣлъ быть Суворовымъ... Мои товарищи по школѣ уже давно изъявили готовность устроить настоящее войско, чтобы играть въ войну.

Мы не рѣшили только вопросъ: быть намъ казаками или солдатами. Нѣкоторые изъ товарищей, которыхъ я познакомилъ съ походами Қирши, стояли за казаковъ, но другіе, увлеченные подвигами Суворова и разсказами о севастопольской компаніи, хотѣли быть солдатами.

Наши сомнѣнія рѣшилъ Степанъ Терка, съ которымъ я познакомился совершенно случайно.

Я несъ булки изъ лавки и уже подходилъ къ своему дому, какъ вдругъ большая черная собака набросилась на меня, повалила и вырвала весь узелъ. Въ тотъ самый моментъ, когда я поднялся съ земли, изъ-за угла выскочилъ рыжій мальчишка, безъ шапки, босой, въ одной рубашкѣ и съ палкою въ рукахъ. Онъ ловко перепрыгнулъ черезъ перила палисадника, гдѣ расположилась съ добычей собака, вырвалъ у нея узелъ и, черезъ минуту, уже стоялъ возлѣ меня, подавая мнѣ булки.

— Не тронула еще... не успѣла, — проговорилъ онъ и пошелъ отъ меня.

Я съ уваженіемъ посмотрѣлъ на храбреца, невольно вспомнилъ о Қиршѣ и подумалъ: „изъ него непре-

мѣнно въ послѣдствіи выйдетъ герой, въ родѣ Кирши“. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по направленію къ дому, я остановился, обернулся и крикнулъ моему избавителю:

— Мальчикъ!... послушай, мальчикъ!

Онъ остановился.

— Ты не слыхалъ... ты ничего не знаешь про Киршу?

— Что ты говоришь? — промолвилъ незнакомецъ, видимо удивленный моимъ вопросомъ.

— Про Киршу ты ничего не слыхалъ? — повторилъ я.

— Какой Кирша?

— Казакъ славный, храбрый! ты не слыхалъ?

— Нѣтъ!

— И не читалъ про него?

— Я не ученый, — отвѣтилъ мальчикъ.

— И про Суворова не слыхалъ? — продолжалъ я.

— Про генерала? Про Александра Васильевича?

— Да, да... про генералиссимуса?

— Звали-то его какъ: Александромъ Васильевичемъ?

— Да, такъ!

— Слыхалъ! Батка покойный рассказывалъ. У! какой былъ генералъ! Турку и француза билъ, какъ мухъ!

Онъ громко захохоталъ и приблизился ко мнѣ.

— А что? — прибавилъ онъ вдругъ, пытливо глядя на меня.

— Ничего... я вотъ и про Киршу знаю... хочешь, я тебѣ прочту?

— Книжка у тебя есть?

— Есть.

— Пожалуй, прочти, — согласился онъ, почесывая грудь... — Да только же: къ тебѣ приду, аль ты?

— Ужъ лучше ты, — сказалъ я.

— Когда же?

— Когда хочешь.
— Завтра можно.
— Можно и завтра... да какъ тебя зовутъ?
— Меня-то? Теркой.
— Это что же такое: Терка? твоя фамилія?
— Какая тамъ фамилія! просто, такъ, потому я, видишь, какой: лицо, что терка... въ самый разъ какъ она... А зовутъ меня Степаномъ.

Онъ указалъ на свое изрытое оспой лицо и съ громкимъ смѣхомъ побѣждалъ отъ меня.

— Я приду... я, вѣдь, знаю тебя!—крикнулъ онъ на бѣгу.—Мамка моя бѣлье у васъ стираетъ,—добавилъ онъ, перелѣзая черезъ перила палисадника и скрываясь за шпалерами густыхъ акацій!

II.

Первый визитъ Степана Терки.

Онъ явился на другой день въ нашъ огородъ и развязно разлегся на травѣ возлѣ парника. Какъ и вчера, онъ былъ босъ, безъ шапки и съ той же палкой въ рукахъ.

Я сбѣгалъ за „Юріемъ Милославскимъ“ и сталъ читать тѣ сцены, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является Кирша.

— А это все правда?—спросилъ Степанъ, когда я кончилъ.

— Развѣ станутъ писать въ книгахъ неправду?—отвѣтилъ я.

— А то будто и нѣтъ?—насмѣшливо возразилъ Терка. —

Спиридонычъ, здѣшній дьячекъ, говоритъ: мало ли вздору въ книгахъ; онѣ для потѣхи и пишутся... Вотъ священная книга—другой резонъ, та не вретъ, потому та — церковная, святая книга... А твоя, не церковная? Да?

Онъ заглянулъ въ книгу и убѣжденно закончилъ:
— Такъ и есть, не церковная! У той, братъ, буквы не такія. Я хотя и не ученый, а сразу различить могу: тѣ буквы—у церковной-то—не въ примѣръ красивѣе, рисованныя, красныя... а эти—нѣтъ.

Озадаченный такими словами, я не зналъ, что отвѣтить Степану, и побѣжалъ домой за помощью къ матушкѣ. Она сказала мнѣ, что священная книга, дѣйствительно, правдивая, но и эта, надо думать, не лжетъ, потому что „историческая“, а „исторія—вѣдь, самъ знаешь—наука“, заключила матушка.

Я вернулся въ огородъ и сообщилъ Степану, что и моя книга правдивая, потому что историческая, а „исторія,—наука, и ученые такіе люди, которые лгать не станутъ“.

— А-а!—промолвилъ Степанъ,—не станутъ?

— Не станутъ, это люди умные... ихъ всѣ почитаютъ!

— Ишь-ты! Ну, коли такъ, молодецъ этотъ Кирша,—вѣско произнесъ Степанъ.—А что, онъ теперь живъ?

— Гдѣ же, что ты! вѣдь, это было больше 200 лѣтъ тому назадъ!

— Во когда!.. Ну, стало быть, померши...

Онъ подумалъ съ минуту и произнесъ:

— А что: теперь такіе люди бываютъ? Какъ ты думаешь?

— Надо полагать... отчего же имъ не быть?—отвѣтилъ я нерѣшительно.

— Бываютъ!—радостно воскликнулъ Степанъ.—А что, если я буду такимъ?

Онъ приподнялся съ земли и, улыбаясь, прибавилъ:

— Ты еще не знаешь меня: я—у, какой! Я, братъ, храбрый! Я, вѣдь, братъ, ничего не боюсь!

Онъ почесалъ шею, застегнулъ воротъ рубахи и еще самодовольнѣе, еще съ большею гордостью сообщилъ мнѣ, что его мамка—силачка, ѣсть не меньше

пильщика, работаетъ за троихъ, что его отецъ былъ гренадеръ, имѣлъ четыре ордена и колотилъ турокъ и французовъ.

— Вотъ, братъ, какъ!—продолжалъ онъ;—мы всѣ таковы! Я, братъ, тоже сильный... я тебя пальцемъ сшибу! Я, братъ, лягухъ за пазуху сажаю... я — у! какой!

Онъ прищелкнулъ языкомъ и снова легъ на траву. Я смотрѣлъ на него и все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что это настоящій Қирша.

— Ты не боишься такъ-то ходить? — спросилъ я его.

— Какъ такъ-то?

— Босикомъ? долго ли ногу порѣзать!

— А тебѣ еще сапоги надо? Ишь, нѣженка-барченочъ! Я, братъ, не такой... я привыкъ! Сунься-ка теперь: сапоги-то кусаются! А на долго ль ихъ? Живое истреплешь сапоги! да зачѣмъ они? Намедни, я какъ на гвоздь напоролся — страсть! И ничего: похлестала кровь — и все!

— А простуда?

— Я развѣ — ты? Я, братъ, не такой! Я осенью, на Покровъ день, по самое брюхо въ рѣкѣ брожу — и ничего! Разъ, точно, трясушка взяла... да что! Потрясла, потрясла — и перестала. А я опять пошелъ!.. И послѣ того ни, ни... видитъ, что не боюсь... и бросила!

— Ты непременно будешь Қиршею! — воскликнулъ я восторженно.

— И буду!.. ты знаешь Прилуки?

— Знаю.

— Хочешь, я оттуда лошадь приведу?

— Зачѣмъ же?

— Такъ вотъ! Возьму изъ ночного — и приведу. Я ѣзжу ловко!

— Нѣтъ, не надо... я такъ тебѣ вѣрю.

— То-то! я, братъ, у, какой! Всѣ говорятъ, что я отчаянный... и это вѣрно!

— Мать, поди, рада этому? — не безъ зависти замѣтилъ я.

— Она, братъ, вотъ что говоритъ: разный, говорить, головорѣзамъ конецъ бываетъ: на хорошее пойдутъ — добромъ кончатъ, а то и гибнутъ... Только я, братъ, худо дѣлать не стану. Къ примѣру сказать: я тебя развѣ обидѣлъ?